АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ УСКОРЕНИЯ ТЕМПОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Антропологическая тематика, в контексте ее взаимосвязи и взаимодействия с социальными условиями бытия человека, всегда являлась одной из ведущих в философии. В настоящее время интерес к ней еще более усилился. Это связано, с наблюдаемым в последние десятилетия явлением ускорения темпов научно-технического прогресса ставящим перед человеком задачу выработки механизмов адаптации к поистине революционным изменениям на уровне хозяйственно-бытовой, социально-экономической, духовно-культурной и социально-коммуникативной деятельности.

Рассмотрению различных аспектов данной проблематики посвящены труды целого ряда современных философов, футурологов и социологов, таких как Ф.Фукуяма, С.Лем, Э.Тоффлер, Э.Фромм, А.А. Зиновьев, С.Б. Переслегин и др. В трудах перечисленных авторов, антропологические следствия ускорения темпов научно-технического прогресса рассматриваются как, связанные: с трансформацией физической природы человека, с его превращением в продукт евгенических манипуляций [1]; с порабощением человека информационными системами, его «переформатированием» в существо – придаток суперкомпьютера [2]; с трагедией распада человеческих отношений, с преобразованием их в форму обезличенного двустороннего контактирования [3]; с потерей человеком своей индивидуальности, его растворением в государственно-тоталитарном механизме [4].

Вместе с тем, в трудах данных авторов, антропологические следствия ускорения научно-технического прогресса рассматриваются недостаточно разносторонне, в основном, как связанные с комплексом когнитивно-интеллектуальных и ценностно-мировоззренческих трансформаций, вынуждающих человека своевременно *приспосабливаться* к меняю-

щимся условиям социальной среды в условиях быстрой смены существующих технико-технологических укладов и роста мультипарадигмальности общественного и индивидуального сознания. Данный анализ, на наш взгляд, не вскрывает всю палитру имеющих в настоящее время изменений. Мы полагаем, что в условиях ускорения темпов научно-технического прогресса, человечество сталкивается с одним из самых серьезных антропологических кризисов, связанных, не с *изменением,* а с *полной переоценкой* представлений человека о *фундаментальных основаниях индивидуального и общественного бытия* – о том, что раньше считалось вечным и незыблемым, а сейчас рассматривается как преходящее и сиюминутное; о том, что когда-то являлось серьезным и основательным, а сегодня считается смешным и несущественным. Представлений о добре и зле, счастье и горе, о дружбе и ненависти, о сущности человека, его предназначении и смысле жизни.

Постараемся ниже выявить сущность рассматриваемой проблематики и наметить основные пути ее возможного решения.

Уже в середине XX века К.П. Сноу и У.Беннис отмечали: социальное изменение до этого столетия было «таким медленным, что проходило незамеченным за период жизни одного человека. Сейчас это не так. Скорость перемен возросла настолько, что наше воображение за ней не поспевает». «Никакое преувеличение, никакая гипербола, никакое грубое приближение не может реалистично описать степень и скорость изменения… В действительности только преувеличение оказывается верным» [5, с. 35].

Увеличение темпов социальных изменений, начавшееся в 60-х гг. XX века, берет начало и обусловлено совершенствованием информационных технологий в рамках перехода к «третьей волне» (Э.Тоффлер) развития цивилизации – постиндустриальному (информационному) общества – этапу, основной характеристикой которого, является ориентация производственной деятельности на приоритетное создание услуг, инфор-

мации и знаний, объем прироста которых, компенсирует процесс создания материального продукта.

Первые предпосылки становления информационного общества появились в странах Западной Европы, США и Японии и были связаны с изобретением электронно-вычислительных машин (ЭВМ) – механизмов, позволившим значительно упростить и ускорить процесс создания и переработки информации. Данный процесс позволил оптимизировать технико-технологические циклы и положил начало структурным изменениям в сфере производительных сил и производственных отношений: начинает интенсивно развиваться сфера услуг и информационные отрасли производства, увеличивается количество белых воротничков – работников, занимающихся умственным трудом (т.е. производством информации, обслуживанием ЭВМ и т.д.).

Изобретение, в дальнейшем, персонального компьютера (1969 год), внедрение их в массовое производство (70-е гг.), появление всемирной сети (1983 год) привело к тому, что объем производимой в обществе информации стал лавинообразно нарастать и это, в свою очередь, имело ряд далеко идущих следствий. Рассмотрим данные следствия более подробно.

Известно, что человек по своей природе является физическим существом, в своем познании, ограниченном физиологическими способностями своего мозга (количеством нейронов, скоростью передачи нервных возбуждений и т.д.). В процессе антропосоциогенеза, совершенствование его когнитивно-интеллектуальных способностей (объема памяти, внимания, способности к рациональному мышлению и т.д.), шло в рамках двух взаимосвязанных процессов: увеличения объема мозга – цефализации и развития психосоциальных навыков по усвоению и переработке информации. Первый из этих процессов прекратился с появлением человека разумного, второй – имеет место до настоящего времени.

Между тем, в условиях современного информационного общества, объем производимой информации стал настолько велик, что таковой многократно превзошел способности человеческого мозга, как канала ее перерабатывающего и усваивающего. И никакие методики, и тренинги не в силах изменить сложившийся информационный дисбаланс. Следствием этого дисбаланса стало возникновение своеобразного социокультурного феномена – «синдрома массовой информационной астении» – ситуации, когда человек теряет способность адекватно воспринимать и рационально перерабатывать обрушивающийся на него объем знаний.

Усугубление данной ситуации приводит к тому, что сегодня, в начале XXI века человек превращается в подобие гносеологического «Робинзона» – субъекта, заброшенного неведомой ему силой в столь близкий и одновременно столь чуждый ему мир людей и знаний, который он *желает* знать, но не *может* осознать и понять.

Между тем, в условиях ускорения темпов научно-технического прогресса, обусловленного увеличением объема создаваемой в обществе информации, степень социального комфорта индивида, прямо пропорциональна, его способностям и умениям сознательно ее усваивать, перерабатывать и транслировать. И здесь налицо явный конфликт между желаемым и действительным. Индивид, понимая, что его конкурентноспособность зависит, прежде всего, оттого, что он знает, в тоже время понимает, что приобрести это знание в условиях ограниченности физиологических возможностей мозга, практически невозможно. Тем более, что это знание практически мгновенно устаревает.

В этой ситуации, индивид вынужден редуцировать многообразные функции социального взаимодействия (гуманистическую, ценностно-ориентирующую, культурную, мировоззренческую и т.д.) к функции, в сложившихся условиях *единственно* важной и *наиболее* значимой – информационной.

Необходимость усвоения и передачи информации становится самоцелью, доминантой индивида. Результатом этого становится его превращение из *Человека*, как существа, живущего полнотой своих духовно-интеллектуальных качеств, в некое коммутирующее устройство, прибор, ценность которого определяется уже не своеобразием его духовной и психоинтеллектуальной сферы, а объемом и качеством информации, которым он владеет и способен передать. Основными характеристиками такого устройства становятся не человеческие качества, а свойства, отражающие его технические параметры: объем памяти, мощность, срок безаварийной работы, эргономичность и т.д.

Социальные отношения «человека - коммутатора» в этих условиях, редуцируются к отношениям трансляции. «Сознательно или неосознанно – писал еще в 60-х годах XX века Э.Тоффлер – но мы строим свои отношения с другими людьми по функциональному принципу. <…> Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности» [6, с. 113].

Человека-коммутатора не интересует то, что выходит за рамки той информации, которая ему необходима. Информация же сама по себе безлика, надиндивидуальна. Столь же безликим становится человек – ее транслятор. Обезличивание приводит к тому, что индивид, осознавая это или нет, начинает «уходить» из мира людей в мир их образов, интегрирующихся в его сознании в некую безликую совокупность, механический агломерат, биомассу. (В данном контексте можно вспомнить широко распространенный неологизм, отражающий имеющую место тенденцию к деперсонификации личности – офисный планктон). Человек сегодня превращается из *Человека,* в пустую абстракцию – человеческий *Фактор.*

В этих условиях его жизнь, когда-то наполненная удивительными событиями, переживание которых формируют цель и смысл жизни (размеренность и неторопливый ход времени каждое событие делают неза-

бываемым), стала монотонной и ничем не примечательной (постоянная смена событий способствует снижению толерантности их восприятия, превращению переживаемого в симулякры действительности – скоротечно меняющиеся образы). Если раньше, в условиях размеренности и неторопливости хода событий человек пытался осмыслить Жизнь в категориях личностного отношения к ней, то сегодня, в условиях ускорения, у него нет на это времени. В условиях цейтнота, судить о Жизни человек способен лишь исходя из сложившихся клише и предрассудков. Наличие собственного мнения по какой-либо проблеме воспринимается, как стремление к сознательному отчуждению человека от своего окружения (почему-то большинство людей полагает, что если точку зрения на что-либо разделяет большинство, то, она единственно верна); желание возвысить себя над окружающими. Естественно, что большинство людей, стремясь сохранить, существующие социальные связи и не желая быть изгоями в своем окружении, даже не пытаются выделиться из серого социального конгломерата, превращаются в конформистов. Индивидуальность начинает восприниматься как неадекватное состояние. *«Я» уступает место безликому «Мы».*

Ускорение превращает жизнь-ради-жизни в жизнь-смену-кадров. Мгновенное устаревание информации, которой индивид обладает, создает ощущение скоротечности, непостоянства, одноразовости жизни. Как следствие, теряется необходимость поддерживать устойчивые социальные связи. Последние становятся все более поверхностными и безликими, приобретают утилитарный характер. Это приводит к тому, что прекращение непосредственного межличностного контакта между индивидами связанное, в частности, с изменением их социального статуса (само стремление, к приобретению которого является выражением желания выделится из серого социального агломерата); с миграцией одного из носителей этих отношений, приводит к немедленному разрыву всяческих

контактов между субъектами и как следствие, к углублению осознания человеком непостоянства, скоротечности жизни.

Это осознание приводит к кризису ценностей. Теряется ощущение *фундаментальности* принципов человеческого взаимодействия. Этические максимы начинают рассматриваться как имеющие абстрактный, несущественный, преходящий характер. Действительно, о каких *вечных* ценностях может идти речь, если в мире нет ничего вечного? Чем дружба отличается от двухстороннего контакта если и то и другое основано на передаче информации, которая уже сегодня-завтра потеряет свою актуальность? К чему ответственность и взаимовыручка, если межличностные отношения строятся лишь на собственных эгоистических интересах? Как верно отмечает в этой связи А.А. Зиновьев: «один человек для другого (в настоящее время – С.С) не имеет никакой ценности сам по себе. Даже в тех случаях, когда кажется, будто он ценен сам по себе (например, красив, здоров, сексуален, умен), он ценен как предмет удовлетворения потребностей. Способности человека имеют ценность для других, поскольку они могут реализоваться в жизненном успехе, и другие могут за его счет поживиться. Если у тебя много денег и высокий социальный статус, так что за твой счет могут поживиться другие, то ты можешь иметь и дружбу, и любовь, и внимание, и заботу. Правда, они суть эрзацы» [7].

Сегодня человек, осознанно или неосознанно, существует в ситуации внутреннего конфликта связанного с противоречием мира реального и мира «долженствующего». Ну а любой конфликт, будучи неразрешенным всегда оказывает деструктивное воздействие на психику, поэтому каждый из нас старается его преодолеть доступными ему способами. Способы эти известны: уход в мистицизм, в различного рода неформальные объединения (движения готов, эмо, пятидесятников и т.д.), «растворение» в виртуальном пространстве, погружение в сонм наркотических и алкогольных грез и иллюзий.

Подобные практики позволяют человеку конструировать свой индивидуальный мир «реальности», который, в отличие от эмпирического, устойчив, постоянен и сознательно регулируем; дают возможность ощутить свою причастность к целому, как его органичной части, снять тяжесть социального безразличия и пессимизма.

В тоже же время постоянное обращение к «одномерной» реальности приводит к тому, что человек становится все более неприспособленным к *эмпирическому* существованию, превращаясь в объект манипулирования со стороны внешних, более рационально-организованных сил – партий, религиозных течений, общественных движений и т.д. Одним из проводников навязываемого современному человеку мировоззрения является телевидение и его «агент влияния» – *зомбоящик* (распространенное в интернет-сообществе название телевизора). Возможности данного технического устройства, по формированию общественного мнения сегодня просто поражают. Действительно, можно ли рационально объяснить тот факт, что живя в условиях нашей современной реальности, с ее вопиющим социальным расслоением, кричащей нищетой и правовым беспределом, мы слепо идем за заверениями политиков о том что «жить стало лучше, жить стало веселей» (а будет еще лучше, еще веселей), выбирая на высшие государственные должности людей, заведомо не способных на волевые, адекватные интересам большинства политические решения? Почему большинство здравомыслящих людей не видят очевидное? А дело в методологии формирования общественного мнения которая, как и все гениальное, проста и бесхитростна. «Пристрастность в заголовках, односторонность изложения и комментария, лозунги и призывы вместо разумных доводов. Никакого обращения к рассудку, вместо этого – стремление воздействовать на условные рефлексы избирателей, а помимо прочего – криминальная хроника, объявления о разводе, анекдоты, всяческая чепуха – все, чтобы отвлечь внимание, не позволить думать» [8, 165].

Печально, но человек теряет способность понимать и воспринимать настоящее и адекватно оценивать будущее. Ну, а поскольку человек боится, прежде всего, того, чего он не знает или не способен объяснить, свое будущее он начинает воспринимать как все более страшное и непредсказуемое. Отсюда – рост апокалиптических и эсхатологических умонастроений, маниакальная боязнь «конца света», вера во всевозможных мессий, колдунов и пророков. Наука, не способная объяснить (в данный момент) необъяснимое, утрачивает свои мировоззренческие позиции, уступая место оккультному знанию (астрологии, магии, хиромантии и т.д.), сегодня не просто претендующему на объективность своих выводов, но рассматривающих их как *единственно* достоверные! Не случайно представители этого знания награждают себя титулами магистров, докторов и академиков – званиями, получение которых является следствием кропотливой, зачастую многолетней научно-исследовательской деятельности. Человек, занимающийся сегодня наукой – это изгой, подвергающийся насмешкам, в общественном сознании воспринимающийся как не совсем адекватная личность, способная к самовыражению лишь только в своем, достаточно узком профессиональном кругу.

В условиях подобного одичания объектом повышенного интереса становится целая совокупность псевдонаучных проблем, сама постановка которых, свидетельствует об умственной деградации общества, живущего стереотипами и предрассудками, формируемыми средствами массовой информации и различного рода «общественных деятелей», играющих на низменных инстинктах людей и умело манипулирующих их природным стремлением к познанию окружающего. Среди данных проблем некоторые настолько ничтожны, что сама их постановка вызывает смех. Это касается, прежде всего, так называемой «Проблемы 2012» – совокупности лженаучных посылок, общественных стереотипов и мистических откровений, касающихся перспективы скорой гибели человечества в условиях некоей глобальной катастрофы. Данная «проблема» в последнее время

стала настолько насущной, что затмевает своим «масштабом» проблемы эмпирического, житейско-бытового характера. Ее «постановкой» и «решением» озабочены, на первый взгляд, вполне здравомыслящие люди – политики, журналисты, представители бизнеса, религиозные и общественные деятели и т.д. «Проблеме 2012» посвящены документальные и художественные фильмы, огромное количество научно-популярных статей, веб-страниц, интернет-сайтов. При этом информация, касающаяся данной проблемы, подается как некое откровение, проникновение в «тайный смысл» которого – обязательная тема разговоров людей всех возрастов, полов и социальных статусов, начиная от кухонь и пивных и заканчивая кабинетами и приемными. «Быть в теме» сегодня, означает иметь при себе несколько бессмысленных сентенций, касающихся одного из сценариев предстоящего «конца света» и по возможности их применять к месту и не к месту. «Очевидный бред и идиотизм, – как верно отмечает А.А. Зиновьев – начинает вытеснять всякий здравый смысл. Тексты, в которых просто, без словесных выкрутасов говорилось бы о самых обычных явлениях, стали исключительной редкостью <…> Стремление сказать хоть что-то оригинальное, новое толкает гигантскую армию паразитов, живущих за счет болтовни, на всяческие словесные извращения, вполне сопоставимые с сексуальными» [9].

Человек, обремененный подобными «глобальными проблемами» не знает куда идти и во что ему верить. Он идет за «пророками», призывающих жить «здесь» и «сейчас», не думая о дне завтрашнем, столь угрожающем и непредсказуемом. Ну а поскольку никто не знает когда наступит это «страшное» будущее, человек в полной мере старается жить настоящим. И в этом настоящем есть лишь одно, что сохраняет хоть какую-то ценность, что не девальвируется и не смывается мутным потоком информации. Это тело человека, его физический мир – то единственное, что имеет для него хоть какую-то ценность… Природа человека – вот то, на чем сегодня паразитирует вся мировая экономика. Ми-

ровая экономика и ее уродливое детище – реклама, притягивающая человека «магией шелка», влекущая неземным вкусом Данон, ненавязчиво предлагающая купить-употребить-иметь-приобрести. Человек превращается в *человекоживотного*, человека жрущего, человека потребляющего. Потребности человека примитивизируются. Спросом пользуется лишь то, что доставляет чувственное удовольствие – секс, еда, развлечения.

Жизнь человека, становятся все более бессмысленной. Безразличие к окружающему сменяется безразличием к самому себе. Человек – пишет Э.Фромм – утрачивает чувство самоценности и уникальности, превращает себя в средство, инструмент для достижения каких-то внешних целей; ощущает себя вещью и относится к себе как к вещи, отчуждает от себя собственные силы и возможности [10, с. 282]. И что же сегодня остается делать этому человеку? Не имея сил и воли жить в этом пустом, убогом и враждебном мире, он убивает и насилует, прыгает с крыши многоэтажки, уничтожает себя алкоголем и наркотиками.

Преодоление антропологического кризиса, необходимость возрождения «самости» человека – одна из актуальных задач современности. Наивно полагать, что данная проблема может быть решена за счет устранения тех предпосылок, которые привели к ее постановке. Действительно, возможно ли в существующей ситуации ограничить темпы роста информации и основанного на ней научного прогресса – этого источника бед и несчастий человечества? Нет! Это немедленно приведет к всестороннему регрессу, к возврату общества в эпоху мрачного средневековья.

Но в тоже время, некоторые направления деятельности в плане решения рассматриваемой проблемы можно наметить. Первая, и, пожалуй, самая основная задача состоит в необходимости создания некоего информационного фильтра (барьера), позволяющего разделять информацию по принципу ее верифицированности, объективности, принадлежности к конкретной предметной области и т.д. Это позволит человеку

ориентироваться в ее бесконечном многообразии, строить свою жизнь исходя из личных интересов и предпочтений, а не социальных клише и общественных предрассудков, заполонивших современное медиа-пространство и формирующих мистическое мировоззрение, вырывающее человека из контекста эмпирического мира. Второе направление связано с задачей возрождения духовности, с реанимацией подлинно *человеческих* отношений. Каждый из нас должен понимать, что Жизнь как феномен проявляется лишь в полноте своих качеств. Психоэмоциональный комфорт, к которому стремится каждый человек, зависит от целого ряда факторов: от наших умений выстраивать социальные контакты, интенсивность и характер которых позволяет человеку ощущать свою «самость», свою принадлежность к человеческому общежитию; от наших способностей критически анализировать информацию, руководствуясь при этом не только рассудочным, но и разумным уровнем мышления, что позволяет творчески мыслить, не ориентируясь на стереотипы и шаблоны общественного сознания; от нашего понимания природы человека как основанной на неразрывном единстве ее физических и психодуховных качеств. И т.д.

Таким образом, следствием развития информационных процессов и обусловленных ими процессов ускорения темпов научно-технического прогресса, является не просто кризис ценностных ориентаций современного человека. Это кризис его антропологической природы. Превращаясь в функционера, в бездуховное и безнравственное существо, в биомассу, индивид сегодня перестает быть личностью, он становится механизмом, которому чуждо все человеческое. Это кризис образа жизни, образа мышления и образа деятельности. Его преодоление – одна из насущных задач современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с.; Зиновьев, А.А. Глобальный человейник / А.А. Зиновьев. – Режим доступа: http://www.klex.ru/2ya, свободный. – Имеется печатный аналог.

2. Лем, С. Молох / С. Лем. – М.: АСТ: Транзит-Книга, 2005 – 781 с.

3. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.; Тоффлер, Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 261 с.; Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Издательство АСТ «ООО «Транзиткнига», 2004. – 572 с.

4. Замятин, Е.И. Мы / Е.И. Замятин // О дивный новый мир. – М., 2006. – С. 7-149.

5. Цит. по: Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

6. Там же.

7. Зиновьев, А.А. Глобальный человейник / А.А. Зиновьев. – Режим доступа: http://www.klex.ru/2ya, свободный. – Имеется печатный аналог.

8. Хаксли, О. Остров / О. Хаксли. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2010. – 316 с.

9. Зиновьев, А.А. Глобальный человейник / А.А. Зиновьев. – Режим доступа: http://www.klex.ru/2ya, свободный. – Имеется печатный аналог.

10. Фромм, Э. Человек для самого себя / Э. Фромм. – М.: ООО “Издательство АСТ" 2008. – 350 с.